ИЗДАТЕЛЬСТВО грамота

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 8 | 2026. Volume 19. Issue 8
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Аллюзивная градация имен собственных при создании образа Кармазинова в романе Ф. М. Достоевского «Бесы»

Мещерякова Л. А.

Аннотация. Цель исследования заключается в поисках ответа на вопрос, является случайной или неслучайной последовательность аллюзивных имен собственных, употребленных хроникером романа Ф. М. Достоевского «Бесы» при характеристике Кармазинова на литературном вечере. В статье предлагается анализ этого литературного образа через прием аллюзивной градации упомянутых хроникером антропонимов. Делается акцент на том, что хроникер сочетает в себе черты персонажа романа и его автора и находится в постоянном движении между этими полюсами. Научная новизна работы заключается в том, что впервые установлено, что последовательность упоминания имен Гофмана, Байрона, Гейне и Печорина в пределах одного фрагмента не случайна. Многоступенчатая линейная градация представленных антропонимов с постепенным усилением степени интенсивности сатирического компонента способствует созданию отрицательного образа Кармазинова. Как свидетельствуют результаты проведенного исследования, восходящая ономастическая градация расширяет аллюзивный потенциал исследуемого фрагмента, позволяет обнаружить черты произведений Байрона, Гейне и Лермонтова, а также Гофмана и Грибоедова в эпизоде чтения Кармазиновым своего произведения, где они присутствуют неявно, и проследить, как они трансформируются в проблематике и художественных приемах Достоевского при создании образа.

EN

Allusive gradation of proper names in constructing the character of Karmazinov in F. M. Dostoevsky's novel "Demons"

L. A. Meshcheryakova

Abstract. The purpose of the study is to answer the question of whether the sequence of allusive proper names used by the chronicler of F. M. Dostoevsky's novel "Demons" when characterizing Karmazinov at the literary evening is accidental or deliberate. The article offers an analysis of this literary character through the stylistic device of allusive gradation of the anthroponyms mentioned by the chronicler. Emphasis is placed on the fact that the chronicler combines the traits of both a character in the novel and its author, remaining in constant movement between these two poles. The scientific novelty of the work lies in establishing for the first time that the sequence of mentioning the names of Hoffmann, Byron, Heine, and Pechorin within a single passage is not accidental. A multi-stage linear gradation of the presented anthroponyms, featuring a gradual intensification of the satirical component, contributes to creating a negative portrayal of Karmazinov. As the results of the study demonstrate, this ascending onomastic gradation expands the allusive potential of the passage under examination. It makes it possible to detect features of the works of Byron, Heine, and Lermontov, as well as Hoffmann and Griboyedov, in the episode where Karmazinov reads his work – where they are implicitly present – and to trace how they transform within Dostoevsky's thematic concerns and artistic devices in constructing the character.

Введение

Выявление аллюзивной сущности имен собственных в рамках художественного дискурса, определение их функционально-эстетической ценности – одно из самых актуальных и востребованных направлений в современной филологии, таких ее направлениях, как литературоведение, литературная ономастика, лингвопоэтика, стилистика текста. По наблюдениям А. А. Потебни, «за многими литературными именами собственными

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20260376

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

скрывается поэтический образ, дающий возможность замещать массу разнообразных мыслей относительно небольшими умственными величинами» (1976, с. 520). Употребленные в пределах фразы или небольшого фрагмента, они образуют ряд аллюзивных антропонимов, плотность расположения которых заставляет задуматься об их соотнесенности, задаться вопросом о случайности/неслучайности их взаиморасположения.

Е. А. Дубеник (2010, с. 152) характеризует «указание-градацию» в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» как прием, когда автор, подчеркивая определенную черту характера персонажа, использует несколько аллюзий, располагая их в зависимости от степени проявления признака. Что же касается особенностей аллюзивной градации имен собственных в романе, то данный аспект пока не стал предметом изучения в отечественной филологической науке, между тем он обладает значительным потенциалом в рассмотрении феномена ономастических аллюзий.

Объектом представленного исследования является эпизод из первой главы третьей части («Праздник. Отдел первый») романа Ф. М Достоевского «Бесы», когда хроникер Антон Лаврентьевич Г-в описывает свое впечатление от речи Кармазинова на литературном вечере следующими словами: «Тут казенный припадок байроновской тоски, гримаса из Гейне, что-нибудь из Печорина, – и пошла, и пошла, засвистала машина...» (Достоевский, 1994, с. 470). Чуть выше упоминается Гофман, а ближе к концу фрагмента – неявная реминисценция из «Горя от ума» А. С. Грибоедова. Последовательность прежде всего ономастических аллюзий обладает внутренней энергией, создает определенный эффект и по-особому раскрывает образ Кармазинова.

Актуальность настоящего исследования определяется следующими факторами: во-первых, необходимостью разработки подходов к комплексному рассмотрению интертекстуальных единиц для создания когнитивных моделей декодирования и выявления прагматического эффекта. Во-вторых, значимостью осмысления аллюзивных включений имен собственных, в том числе с позиций современных лингвистических наук, что открывает новые перспективы для понимания художественного мира Ф. М. Достоевского, особенностей его стиля. Междисциплинарное поле позволяет рассматривать антропонимы в пределах коммуникативной единицы языка, обладающей смысловой и интонационной законченностью.

Для достижения обозначенной цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть особенности субъективного статуса высказываний хроникера;
- выявить зависимость интертекстуального потенциала аллюзивных имен Гофмана, Байрона, Гейне и Печорина от степени прецедентности источника заимствования;
- раскрыть функцию сатирических приемов как организующего средства аллюзивной градации.

Ключевыми методами исследования стали: сравнительно-исторический метод, благодаря которому были выявлены некоторые особенности романа Ф. М. Достоевского «Бесы» в контексте русской и зарубежной литературы XIX века, что способствовало установлению соотношения между смысловым объемом ассоциативных связей и интертекстуальным весом аллюзивного онима; биографический метод, позволивший интерпретировать текст романа сквозь призму жизненного опыта и мировоззрения автора романа «Бесы»; системно-структурный метод, помогающий рассмотреть в пределах выбранного фрагмента аллюзивное ономастическое пространство как целостную систему.

Основным материалом для исследования является роман Ф. М. Достоевского «Бесы», отдельным изданием вышедший в Санкт-Петербурге в 1873 году.

Теоретическую базу для исследования представляют работы, изучающие литературные аллюзии в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» (Фридлендер, 1979; Туниманов, 1981; Дубеник, 2010; Песоцкая, 1991; Королева, 2022; Постникова, 2021), его нарративные стратегии (Мурзин, 2021; Рубцова, 2015; До Хай Фонг, 2012; Корчинский, 2016). Особое внимание уделено исследованиям, рассматривающим поэтику трагикомичности образов в романе Достоевского (Мочульский, 1995; Кашина, 1989; Касаткина, 1996; Мухина, 2011). Методологической основой послужили работы в области стилистики и лингвопоэтики (Потебня, 1976; Колесникова, 2016).

Данная статья является продолжением нашего исследования аллюзивно-реминисцентной природы некоторых эпизодов романа Ф. М. Достоевского «Бесы», посвященных литературному празднику (Мещерякова, 2024).

Практическая значимость исследования состоит в том, что его материалы, результаты и общие выводы могут быть использованы при разработке теоретических и практических курсов по русской литературе и компаративистике в высшей школе, а также применены в исследованиях феномена ономастических аллюзий в творчестве Ф. М. Достоевского.

Обсуждения и результаты

Прямого текста Семена Егоровича Кармазинова под заглавием “Mercі” немного, в основном он дается в пересказе и интерпретации хроникера. Употребленные им собственные имена писателей, а также фамилия литературного героя наполняют фрагмент богатейшим содержанием. Действительно, Ф. М. Достоевский вписывает образ Кармазинова не только в общественно-политический дискурс своего времени, но и в контекст русской и зарубежной литературы XIX столетия.

Н. С. Рубцова в исследовании, посвященном хроникеру в романе Достоевского «Бесы», выявляет особенности структурного единства этого образа, акцентируя внимание на двух существующих в отечественном литературоведении направлениях в изучении его фигуры: «концепции двусубъектного повествования», когда голоса рассказчика и автора сливаются (Я. Зунделович, Л. Гроссман, Д. С. Лихачева, Л. Сараскина, Д. Кирай, Е. Иванчикова и др.) и «концепции рассказчика-маски, в повествование которого автор не вмешивается»

(Ф. Евнин, Г. Фридлендер, Ю. Селезнев, В. Ветловская, Ю. Проскурина, Ю. Карякин и др.). Повествование от первого лица, с одной стороны, делает позицию хроникера частью авторской позиции, а с другой – «дистанцирует автора от субъекта» (Рубцова, 2015, с. 72-73).

Углубляясь в повествовательную стратегию романа Достоевского, необходимо задаться вопросом: «Что знает повествователь в “Бесах”?». А. В. Корчинский, поставив этот вопрос в заглавие своей статьи, доказывает, что «кругозор повествователя сближается с кругозором автора» (2016, с. 26). И касается это не только происходящих в городе событий, но и целого комплекса исторических, литературных и прочих сведений. Цельность этого образа, по мнению вьетнамского исследователя До Хай Фонг, «заключается именно в единстве авторского и неавторского мироощущений внутри него, в логике его колебания между этими двумя полюсами» (2012, с. 12). Кроме того, следует обратить внимание на тот факт, что Антон Лаврентьевич Г-в – человек молодой, впечатлительный, «проницательный, эмоциональный, с открытым темпераментом» (Мурзин, 2021, с. 76), представитель той части молодежи, которая, по его собственному признанию, была воспитана Степаном Трофимовичем Верховенским и не приемлет «бесовщины». «Отсюда – сочетание в интонациях рассказчика <…> наивности, простодушия и ужаса» (Фридлендер, 1979, с. 387). Из этих позиций и следует выводить отношение нарратора к Кармазинову. В молодости он «упивался» его произведениями, «потом несколько охладел» к ним (Достоевский, 1994, с. 82). А при близком знакомстве счел его до крайности самолюбивым, тщеславным, чопорным и нелепым со своим «румяным личиком», «седенькими локончиками», «ридикюльчиком» (Достоевский, 1994, с. 83-84) и неизменной «котлеткой» на завтрак. Каждое упоминание, каждая характеристика Кармазинова будет сопровождаться иронией рассказчика.

В «жеманной» болтовне «великого писателя» в эпизоде чтения своего произведения на литературном вечере в губернаторском доме, по замечанию хроникера, нашлось место Германии, где только и можно представить себе влюбленную пару, усевшуюся под каким-нибудь деревом и наслаждавшуюся мелодиями Глюка. В. В. Королева в статье «Черты гофмановской поэтики в романе Ф. М. Достоевского “Бесы”» подробно исследует вопрос о рецепции традиций Э. Т. А. Гофмана, в частности «Элексира сатаны», и в числе компонентов «гофмановского комплекса» рассматривает определенные черты Ставрогина, Марьи Лебядкиной, некоторых участников массовых сцен, а также выходит на некоторые особенности гофмановской стилистики. Важными элементами «гофмановского комплекса» в романе «Бесы» она называет такие приемы, как романтическая ирония и гротеск (Королева, 2022, с. 168), что в полной мере и демонстрируется хроникером в пересказе произведения Кармазинова. По замечанию С. А. Мухиной, ироническое начало в романе «носит полифонический характер (оно присуще автору, хронике ру и самим персонажам» (2011, с. 166). Образ Кармазинова в полной мере согласуется с «гротескно-карикатурным дискурсом изображения в “Бесах” губернского города, его высшего общества» (Мещерякова, 2024, с. 114).

Описанное Кармазиновым любовное свидание действительно полно диковинных подробностей: русалка в кустах, музыка Глюка, «вдруг все исчезает, и великий гений переправляется зимой в оттепель через Волгу» (Достоевский, 1994, с. 469). Потом чудом спасается благодаря льдинке с горошину, в которой отразится вся Германия. И тут же новые воспоминания о свидании с любимой и т. д. и т. п. Периодически то тут то там клубится туман, из которого в конце концов и является Гофман. Упоминание немецкого романтика не сопровождается какими бы то ни было узнаваемыми картинами или образами из его произведений. Но оно очень точно указывает на общую тональность «рацеи» Кармазинова. Для ее определения подходят слова конректора Паульмана из «Золотого горшка», обращенные к регистратору Геербранду: «…вы всегда имеете некоторую склонность к поэзии, а с этим легко впасть в фантастическое и романтическое» (Гофман, 1983, с. 29). Пересказанные хроникером фрагменты свидания героя с возлюбленной выдержаны в духе переживаний студента Ансельма под кустом бузины (у Кармазинова – дерево оранжевого цвета): «небесный восторг», «блаженная и томительная скорбь» (Гофман, 1983, с. 37). «Озноб восторга охватил спины» (Достоевский, 1994, с. 469) и героев Кармазинова перед тем, как они расстались навеки.

К 1850-м годам, по свидетельству Г. Фридлендера (1979, с. 65), в основном закончился переход Ф. М. Достоевского от романтизма к реализму, а вместе с ним произошло некоторое переосмысление творчества горячо любимого Э. Т. А. Гофмана. Гофмановская стилистика фрагмента, преломившаяся через полную иронии речь хроникера, делает любовные признания гения к какой-то особе предельно неловкими и неуместными, а само повествование вульгарным, романтически-вычурным и неправдоподобным.

От оценки неказистой содержательной части выступления хроникер переходит к замечаниям, касающимся исключительно манеры чтения Кармазиновым своего эссе, ее общего тона. Именно в этой связи последовательно возникают имена Байрона, Гейне, Печорина. Самой многословной и потому значимой оценочной аллюзией являются следующие слова хроникера: «Казенный припадок байроновской тоски». Необходимо отметить определенную эволюцию в отношении писателя к Д. Г. Н. Байрону, на которую также указывает Г. Фридлендер. В письмах к брату юный Достоевский высказывал довольно настороженное отношение к «мрачной мании характеров байроновских», называл английского поэта «эгоистом», потом писатель «во многом пересмотрел этот ранний отзыв» (Фридлендер, 1979, с. 68), признал в Байроне «великого и могучего гения, страстного поэта» (Достоевский, 1982, т. 26, с. 114), спустя несколько лет после выхода «Бесов» поставил следом за Шекспиром (Достоевский, 1982, т. 23, с. 31). В творчестве английского поэта, по мнению писателя, «зазвучала тогдашняя тоска человечества и мрачное разочарование его в своем назначении и в обманувших его идеалах» Великой французской революции (Достоевский, 1982, т. 26, с. 114).

На чем же зиждется, со слов хроникера, «казенный припадок байроновской тоски» у Кармазинова? По мнению Достоевского, слава героев Байрона не была долгой. Спустя десятилетия после смерти поэта романтические герои байроновских поэм были «забракованы хорошим тоном, признаны за самое дурное общество», так как «эти лица истинно злы, нетерпеливы и хлопочут о себе одних откровенно, так что нарушают гармонию хорошего тона, который из всех сил должен делать вид, что всякий живет для всех, а все для каждого» (Достоевский, 1982, т. 23, с. 87). Сарказм Достоевского касается не столько байронических героев, сколько современной писателю публики, предающей прежних кумиров. По справедливому замечанию Т. А. Касаткиной, «у Достоевского ирония направлена не на саму действительность, а на ее осмысление в системе той или иной эмоционально-ценностной ориентации» (1996, с. 30).

«Казенный припадок» случился у Кармазинова после его надменных усмешек над покинутым Отечеством, ибо «ничего нет приятнее ему, как объявить банкротство России во всех отношениях перед великими умами Европы». Сам же он «над этими великими умами возвысился» и «уже не верит в московские колокола» (Достоевский, 1994, с. 470). Было бы уместным привести здесь логику некоторых рассуждений Достоевского, также запечатленную в «Дневнике писателя» 1876 года. Сначала он делает критическое суждение относительно романа И. С. Тургенева «Дым», выход которого и стал главным поводом для острой полемики между писателями, отмечает в нем «страшное падение художественности» и замечает, что автор «не знает России». А далее идет запись о «Дон Жуане» Байрона, после чего следует рассуждение о «современном западничестве», которое «чрезвычайно потворствует лени: мы, дескать, непримиримые, мы стоим в стороне <…> О подлецы! Вы все только смеялись и всех позорили. Это так легко. Вы необразованны, вы ничего не понимаете» (Достоевский, 1982, т. 24, с. 77-78). Столь очевидный выпад писателя в сторону западников, в числе которых находится и интересующий нас герой романа «Бесы», говорит о том, что современное «европейничанье» (Достоевский, 1982, т. 23, с. 125), по убеждению писателя, бесконечно далеко от «духа байронизма», «музы мести и печали, проклятия и отчаяния» (Достоевский, 1982, т. 26, с. 114) и не может именоваться иначе, как «казенным припадком байроновской тоски». Здесь сделаем необходимую оговорку о том, что выяснение вопроса прототипа литературного образа Кармазинова не входит в нашу задачу, так как он весьма обстоятельно рассмотрен в трудах А. А. Фирсовой (1982), С. В. Белова (2013), Н. Ф. Будановой (1987), Г. Ребель (2007).

Нередко Достоевский в разного рода заметках и дневниковых записях рядом с Байроном ставит Лермонтова и его Печорина. В февральском номере «Дневника писателя» 1876 года читаем: «…мало ли у нас было Печориных, действительно и в самом деле наделавших много скверностей по прочтении “Героя нашего времени”. Родоначальником этих дурных человечков был у нас в литературе Сильвио, в повести “Выстрел”, взятый простодушным и прекрасным Пушкиным у Байрона. Если же мы так в свое время ценили и уважали этих злых человечков, то единственно потому, что они являлись как люди будто бы *прочной* ненависти, в противоположность нам, русским, как известно, людям весьма непрочной ненависти, а эту черту мы всегда и особенно презирали в себе» (Достоевский, 1982, т. 22, с. 39-40). В «Дневнике писателя» за следующий, 1877 год, сразу за развернутой характеристикой Байрона, «великого и могучего гения, страстного поэта», следуют рассуждения о «байронисте» Лермонтове, который «по великой своеобразной силе своей и байронист-то особенный – какой-то насмешливый, капризный и брюзгливый, вечно неверующий даже в собственное свое вдохновение, в свой собственный байронизм» (Достоевский, 1982, т. 26, с. 117). В двух этих высказываниях нельзя не заметить видимого противоречия. Применимые к Печорину лермонтовские характеристики (Достоевский стирает грань между героем и автором) помогают наполнить содержанием продолжение интересующей нас фразы, касающейся Кармазинова: «… что-нибудь из Печорина». Что это могло быть?

По мнению В. А. Туниманова, «в “Бесах” полемическая интерпретация “печоринского” типа приобретает памфлетные черты» (1981, с. 144). Полновесным носителем печоринских качеств в романе является Николай Всеволодович Ставрогин, которого хроникер сравнивает с Лермонтовым и говорит, что кое в чем он даже превзошел его – а именно, в злобе, и «злоба эта была холодная, спокойная и, если можно так выразиться, – разумная, стало быть, самая отвратительная и самая страшная, какая может быть» (Достоевский, 1994, с. 194). И вновь здесь сошлемся на В. А. Туниманова: «Образ Ставрогина, по мысли Достоевского, знаменует вырождение “байронического” типа, утратившего энергию, силу и поэзию, характерные для эпохи <…> Лермонтова. В литературном аспекте измельчание этого типа в “Бесах” иллюстрируется творчеством Кармазинова» (Туниманов, 1981, с. 144). В результате создается образ мелкого, амбициозного, надменного «бесенка», оказывающего свое дурное влияние на общество, развращающего своим цинизмом и бездуховностью молодое поколение. Отнюдь не случайно они так хорошо с Петром Степановичем Верховенским поняли друг друга: сошлись в своем «праве на бесчестье» (Достоевский, 1994, с. 343).

Между упоминаниями о Байроне и лермонтовском Печорине хроникером поставлена «гримаса из Гейне». Здесь следует отметить, что Достоевский в «Дневнике» за 1876 год ставит Гейне в ряд «прекрасного в веке», наравне с Диккенсом, Гюго, Байроном, Лермонтовым, Тургеневым, Л. Толстым, Пушкиным и В. Скоттом (Достоевский, 1982, т. 24, с. 133). С формальной точки зрения намерения Кармазинова выступить перед публикой с «каким-то отчетом о каких-то впечатлениях, воспоминаниях» (Достоевский, 1994, с. 468) коррелируют с прозаическими «Признаниями» (1854) Г. Гейне (1899, с. 7), в которых он сообщает, что правдивые автобиографии невозможны. С. А. Песоцкая в статье «Достоевский и Гейне. К проблеме стилевого своеобразия», подробно исследуя интерес Достоевского к творчеству Гейне, в том числе в интересующий нас период работы над романом «Бесы», обращает внимание на упоминания имени немецкого поэта в связи с его трактовкой образа Дон-Кихота, «отражающего представления писателя об этическом идеале <…> эталоне поведения

в современном обществе» (1991, с. 117). По свидетельству очевидца, Кармазинов произвел неприятное впечатление на слушателей своей манерой говорить, «жеманясь и тонируя», «как-то свысока … точно из милости» (Достоевский, 1994, с. 468), всячески подчеркивая свое превосходство над публикой. По мнению Н. С. Рубцовой, хроникер ставит «“этический противовес” не только беспринципности главного беса», но и некоторым другим героям романа, Кармазинову в частности (2015, с. 71). Кроме того, немаловажным для нас является замечание С. А. Песоцкой об особом внимании Достоевского к «повествовательному тону» Гейне, его «способности передавать жизнь души во всей ее сложности и полноте, в противоречивости душевных движений, в тончайших переходах от одного состояния к другому» (1991, с. 130). Усилия Кармазинова в этом смысле можно назвать лишь потугами, жалкой «гримасой».

Из всего вышесказанного следует, что последовательное упоминание Байрона, Гейне и Печорина, их «градуирование (семантическое и стилистическое) построено на переживаемом переходе от одной границы к другой, в которой реализуется и оценочная функция» (Колесникова, 2016, с. 228).

По нашему мнению, закончил Кармазинов свое чтение в духе героев комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Известно, сколь высокого мнения Достоевский был о «типах и характерах» этого произведения (Достоевский, 1982, т. 22, с. 106). В романе «Бесы» он не употребляет антропонимы из комедии, но без обращения к ним исследование приема аллюзивной градации в интересующем нас фрагменте не было бы завершенным. Кармазинов в финале своей речи выступил в роли Ипполита Маркелыча Удушьева, которого тоже приходилось умолять «писать, писать, писать» (Грибоедов, 1985, с. 127) «для отечества, для потомства, для лавровых венков» (Достоевский, 1994, с. 472). И герой Грибоедова претендовал на то, чтобы быть властителем дум передовой молодежи. Важно, как автор характеризует «творчество» этого героя: «Его *отрывок, взгляд* и *нечто*. / Об чем бишь *нечто*? – обо всем; / Всё знает, мы его на черный день пасем» (Грибоедов, 1985, с. 127). Каждая приведенная характеристика как в верном зеркале отражает содержание «двух печатных листов самой жеманной и бесполезной болтовни» (Достоевский, 1994, с. 468) Кармазинова на литературном вечере в доме губернатора Лембке.

Особого внимания заслуживает следующая характеристика, данная Кармазинову хроникером: «И, наконец, что за позорная страсть у наших великих умов к каламбурам в высшем смысле! Великий европейский философ, великий ученый, изобретатель, труженик, мученик – все эти труждающиеся и обремененные для нашего русского великого гения решительно вроде поваров у него на кухне. Он барин, а они являются к нему с колпаками в руках и ждут приказаний» (Достоевский, 1994, с. 470). Именно за этим рассуждением следуют имена Байрона, Гейне и лермонтовского Печорина. Именно они оказались в роли поваров на кухне «великого писателя» Кармазинова, изготавливающего «каламбуры в высшем смысле». Репетилов в грибоедовской комедии, «умишком понатужась», тоже был способен «как-то невзначай, вдруг каламбур» родить (Грибоедов, 1985, с. 127). И вот уже «и пошла, и пошла, засвистала машина…».

Е. Г. Постникова называет комедию А. С. Грибоедова «глубинным претекстом романного мира Достоевского. Многие грибоедовские идеи, мотивы, образы и даже слова и словечки были подхвачены, переосмыслены Федором Михайловичем и получили новую жизнь в его произведениях, в частности, в “Бесах”» (Постникова, 2021, с. 106). Действительно, интертекстема «Пиши, о, пиши для нас, Кармазинов» (Достоевский, 1994, с. 472) и грибоедовское «Вот эдаких людей бы сечь-то, / И приговаривать: писать, писать, писать» (Грибоедов, 1985, с. 127), а также претензии выступать властителями дум современной молодежи указывают на очевидную близость героев. Либералу-западнику Кармазинову нашлось бы почетное место в «секретном союзе», о котором с таким увлечением рассказывает Чацкому Репетилов – «приживальщик <…> пропагандист чужих популярных идей» (Постникова, 2021, с. 111).

Чем ближе к финалу эпизода, тем сильнее ощущается сатирический накал в создании образа Кармазинова. Безусловно, хроникер передает при этом авторскую интенцию. К. Мочульский назвал роман «Бесы» «театром трагических и комических масок» (1995, с. 437), а Н. В. Кашина – «романом-фарсом» (1989, с. 213). Именно сатирическое начало и становится в исследуемом нами фрагменте той нитью, которая в определенном порядке связывает аллюзивные имена собственные. С этим в полной мере согласуются «ремарки» хроникера, касающиеся поз и жестов героя: «осанка пятерых камергеров», в финале – «осанка уязвленного камергера», «жеманясь и тонируя», «крикливый голос, несколько даже женственный, и притом с настоящим благородным дворянским присюсюкиванием». Подобная театральность делает героя крайне комичным.

Итак, многоступенчатая линейная градация имен собственных с постепенным усилением степени интенсивности сатирического компонента предельно снижает образ Кармазинова в глазах читателя, способствует созданию амбициозного, надменного, эгоистичного и безнравственного героя.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Проведенное исследование фрагмента из романа Ф. М. Достоевского «Бесы» показало, что аллюзивная градация имен собственных, употребленных хроникером в характеристике выступления Кармазинова, создает яркий ассоциативный образ героя посредством отсылок к прецедентным именам и персонажу, придавая образу «великого писателя» дополнительные смысловые оттенки. Особенность субъективного статуса высказываний хроникера в интересующем нас эпизоде состоит в единстве авторского и неавторского мироощущений и их практической неразличимости.

Порядок упоминаний имен собственных в эпизоде не случаен. Стилистический маркер имени Гофмана в начале эпизода фиксирует в образе Кармазинова склонность к романтическим преувеличениям, делает его

претенциозным и напыщенным. Если аллюзия на Гофмана касается главным образом содержания речи «великого писателя», над которой рассказчик откровенно потешается, то все прочие аллюзивные включения по-своему описывают манеру ее подачи. «Байронизм» Кармазинова не что иное, как акцентуация «западничанья», презрения к России, которые хроникер именует «припадком». От Гейне – претензия Кармазинова на исповедальность и интимность, замешанные на неуважительном отношении к публике. Такому соседству действительно соответствует «кислое» слово «гримаса», в котором очевидно брезгливое отношение хроникера. Фамилия Печорина поставлена следом за Гейне, хотя на первый взгляд может показаться, что герой ближе к Байрону. Но особенностью функционирования в «Бесах» аллюзивной информации, касающейся романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и относящейся преимущественно к образу Ставрогина, является демонстрация измельчания, вырождения «байронического» типа. А в образе Кармазинова это вырождение приобретает уже памфлетные формы, полные сарказма и уничтожающей критики. «Что-то из Печорина» связывается с демонстрацией капризного, брюзгливого и надменного нрава. Таким образом, при переходе от одного аллюзивного имени к другому реализуются усиление оценочной функции и нарастание сатирического пафоса. Литературные реминисценции из комедии «Горе от ума», предельно актуализируя обличительный пафос, завершают уничижительную характеристику Кармазинова. Ко всем прежним чертам логичным образом добавляется еще одна, самая болезненная для самовлюбленного героя, – ничтожность.

Как мы видим, при создании образа Кармазинова присутствуют различные степени и формы комического, от иронии до сарказма. Выявление восходящей аллюзивной градации имен собственных с усилительной сатирической функцией позволило нам обнаружить черты произведений Байрона, Гейне и Лермонтова, а также Гофмана и Грибоедова во фрагменте, где они присутствуют неявно, и проследить, как они трансформировались в проблематике и художественных приемах Достоевского при создании интересующего нас образа.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать выявление и систематическое описание контекстуальных обращений Ф. М. Достоевского в романе «Бесы» к именам Гоголя, Крылова, Шекспира и других русских и зарубежных писателей, а также их литературным героям.

Материалы исследования | Research materials

1. Гейне Г. Признания: в 10 т. СПб., 1899. Т. 6. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008067270/?ysclid=mraif863nq897203509
2. Гофман Э. Т. А. Золотой горшок // Гофман Э. Т. А. Новеллы / пер с нем., сост., вступ. ст. и примеч. С. Шлапоберской. М.: Худож. лит., 1983.
3. Грибоедов А. С. Горе от ума // Грибоедов А. С. Сочинения. М.: Правда, 1985.
4. Достоевский Ф. М. Бесы: в 7 т. М.: LEXICA, 1994. Т. 4.
5. Достоевский Ф. М. Дневник писателя: в 30 т. Л.: Наука, 1982. Т. 22. https://dostoevsky.rhga.ru/section/sochineniya/tom-22.html
6. Достоевский Ф. М. Дневник писателя: в 30 т. Л.: Наука, 1982. Т. 23. https://dostoevsky.rhga.ru/section/sochineniya/tom-23.html
7. Достоевский Ф. М. Дневник писателя: в 30 т. Л.: Наука, 1982. Т. 24. https://dostoevsky.rhga.ru/section/sochineniya/tom-24.html
8. Достоевский Ф. М. Дневник писателя: в 30 т. Л.: Наука, 1982. Т. 26. https://dostoevsky.rhga.ru/section/sochineniya/tom-26.html
9. Туниманов В. А. Достоевский // Лермонтовская энциклопедия / под общ. ред. В. А. Мануйлова. М.: Советская энциклопедия, 1981.

Источники | References

1. Белов С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Бесы»: некоторые аспекты восприятия // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2013. № 4 (17).
2. Буданова Н. Ф. Достоевский и Тургенев: Творческий диалог. Л.: Наука, 1987.
3. Дубеник Е. А. Литературные ассоциации в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». Типология приемов создания (цитаты, реминисценции, аллюзии) // Филология и человек. 2010. № 4.
4. До Хай Фонг. Хроникер как художественное решение проблемы соборности в романах Ф. М. Достоевского 1870-х гг. // Новый филологический вестник. 2012. № 1 (20).
5. Касаткина Т. А. Характерология Достоевского. М., 1996.
6. Кашина Н. В. Эстетика Достоевского. М.: Высшая школа, 1989.
7. Колесникова С. М. Функциональная грамматика: предикативность, градуальность, оценочность. М.: МПГУ, 2016.
8. Королева В. В. Черты гофмановской поэтики в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // Соловьевские исследования. 2022. Вып. 3 (75).
9. Корчинский А. В. Что знает повествователь в «Бесах»? (Заметки к теме) // Новый филологический вестник. 2016. № 4 (39).
10. Мещерякова Л. А. Рецепция литературного салона миссис Лио Хантер в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // Вестник филологических наук. 2024. Т. 4. № 6.

11. Мочульский К. Достоевский. Жизнь и творчество // Мочульский К. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995.
12. Мурзин Н. Н. Парадоксы рассказчика «Бесов» // Электронный философский журнал Vox. 2021. Вып. 33.
13. Мухина С. А. Феномен комического в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // Вестник Московского областного государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2011. № 6.
14. Песоцкая С. А. Достоевский и Гейне. К проблеме стилевого своеобразия // Проблемы метода и жанра: межвузовский сборник Томского университета. Томск, 1991. Вып. 17.
15. Постникова Е. Г. Традиции А. С. Грибоедова в творчестве Ф. М. Достоевского // Libri Magistri. 2021. № 2 (16). https://doi.org/10.52172/2587-6945_2021_16_2_105
16. Потебня А. А. Эстетика и поэтика: сборник. М.: Искусство, 1976.
17. Ребель Г. М. Герои и жанровые формы романов Тургенева и Достоевского: типологические явления русской литературы XIX века. Пермь: ПГПУ, 2007.
18. Рубцова Н. С. Хроникер в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). Филологические науки. 2015. № 7 (16).
19. Фирсова А. А. Тургеневское в «Бесах» // Проблемы творчества Ф. М. Достоевского. Поэтика и традиции: сборник. Тюмень, 1982.
20. Фридлендер Г. Достоевский и мировая литература. М.: Художественная литература, 1979.

Информация об авторах | Author information

RU

Мещерякова Лариса Александровна[1], к. филол. н., доц.
[1] Пензенский государственный университет

EN

Larisa Alexandrovna Meshcheryakova[1], PhD
[1] Penza State University

[1] *lam050499@gmail.com*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 17.07.2026; опубликовано online (published online): 06.08.2026.

Ключевые слова (keywords): роман Ф. М. Достоевского «Бесы»; многоступенчатая линейная градация; интертекстуальные единицы; аллюзивное имя; повествовательная стратегия; F. M. Dostoevsky's novel "Demons"; multi-stage linear gradation; intertextual units; allusive name; narrative strategy.